

БАХТИН Н. Б.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКО-АЛЕУТСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ¹

В XIX в. алеутский язык включал три диалекта: восточный (о. Уналашка и др.), центральный (о. Атка и др.) и западный (о. Атту). В 1826 г. Российско-Американская компания (далее — РАК) приняла решение о создании постоянного поселения на необитаемых до тех пор Командорских островах для того, чтобы иметь здесь дешевую рабочую силу для забоя котиков, заготовки шкур и охраны котиковых лежбищ. В последующие десятилетия на Командорские острова — о. Беринга и о. Медный были переселены несколько десятков алеутских и креольских семей с Алеутских островов. Они образовали костяк населения Командоров, отдельный языковой коллектив, который начал далее развиваться независимо; так было положено начало тому, что мы называем сегодня «беринговским» и «медновским» диалектами алеутского языка (о современном состоянии диалектов см. [1]).

В течение 158 лет носители алеутских диалектов, сконцентрированные на двух Командорских островах, развивались в языковом отношении независимо от «материнского» языкового коллектива, в контакте с русским языком и друг с другом. Расстояние между двумя Командорскими островами — ок. 50 км., что позволяло, с одной стороны, поддерживать постоянные контакты, а с другой — обеспечивало у островитян устойчивое ощущение своей отдельности и способствовало некоторой изоляции диалектов друг от друга.

Полтора века — достаточно большой срок, и тем интереснее отметить, что беринговский диалект практически ничем не отличается от «материнского» диалекта о. Атка, кроме некоторой естественной «консервативности» (см. [1]): современные пожилые алеуты о. Беринга говорят — фонетически, грамматически и лексически — на том же диалекте, на котором говорили их предки на о. Атка полтора века назад².

Совершенно иначе обстоит дело с медновским диалектом. Он претерпел серьезные изменения на всех уровнях, испытав глубокое влияние русского языка. Диалект представляет собой очень своеобразный результат взаимодействия русского и алеутского языков (аттуанского диалекта), которое проявляется в регулярном использовании русской грамматики (словоизменятельная глагольная морфология и синтаксис) при не менее регулярном использовании алеутской лексики и словообразования. (Впервые это интересное явление обнаружено в 1963 г. Г. А. Меновщиковым, опубликовавшим свои наблюдения в специальной работе [2].)

Ниже мы рассмотрим (по необходимости кратко) основные факты медновского диалекта в сопоставлении с существующими описаниями аттуанского диалекта в том виде, как он был зафиксирован исследователями в начале XX в. [см. 3, 4], и с некоторыми данными по аткинскому [5] и беринговскому диалектам.

Морфологическая характеристика.

Словоизменение.

Имя. Алеутское имя имело категории числа, падежа и притяжательности; все три категории сохранились в медновском.

¹ Настоящая статья написана на основе материалов, собранных летом 1982 г. в ходе лингвистической экспедиции на Командорские острова.

² Все приводимые в статье данные по беринговскому диалекту получены нами от Е. В. Головки.

Ч и с л о: атт.³ ед.-*х*, дв.-*х*, мн. -*н*; атк. ед.-*х*, дв.-*х*, мн.-*с*; медн. ед.-*х*-дв.-*х*, мн.-*н* или -*с* (при этом -*н* сохраняется во всех случаях *pluralia tan*; *tum* — ср. *игачин* «жилы», *амун* «белье», *иклан* «дрова», *илигин* «потроха», выбор формы -*с* или -*н* связан, по-видимому, с идиолектными различиями). Необходимо специально отметить сохранение дв. числа в медновском диалекте: как известно, при разрушении языковой системы оно отмирает первым.

П а д е ж: все три диалекта имеют двухпадежную систему: абсолютный падеж с показателем -*х*, и относительный падеж с показателем -*м*, ср. медн. *аңалих* «день», *аңалим*. В медновском относительный падеж сохраняет функции падежа подлежащего при субъектно-объектном глаголе и обладателя в притяжательном сочетании. Однако в последнем значении встретилась, наряду с формой на -*м*, и русифицированная форма: *иңана-м ула* «матери-отн. дом-ее», но ср.: *Сашин ула* «Сашин дом» (единственный пример).

П р и т я ж а т е л ь н о с т ь: формы показателей приведены в таблице; материал аттуанского неполон. Разночтения в показателях аттуанского диалекта объясняются тем, что эти формы частично взяты из текстов, опубликованных Бергсландом [3], частично — из рукописи Иохельсона [4]. Насколько можно утверждать по имеющемуся материалу, медновская парадигма скорее ближе к аттуанской, чем к беринговской.

Медновская система притяжательных показателей, хотя и сохраняется по форме достаточно близкой к аттуанской, функционирует в предложении довольно неустойчиво. Она испытывает сильное давление заимство-

Таблица

Притяжательные показатели в трех диалектах

Значение	Атт.	Медн.	Атк.
мой один предмет	- <i>х</i> , - <i>них</i>	- <i>х</i>	<i>х</i>
мой два —»—	- <i>ки</i>	<i>ких</i> *	- <i>ких</i>
мой многие —»—	- <i>них</i>	- <i>них</i> *	- <i>них</i>
наш один —»—	- <i>мис</i>	- <i>мис</i>	- <i>мас</i>
наши два —»—	—	- <i>ки</i>	—
наши многие —»—	—	- <i>мис</i>	- <i>мас</i>
твой один —»—	- <i>н</i>	- <i>н</i>	- <i>н</i>
твой два —»—	- <i>кин</i>	- <i>кин</i> *	- <i>кин</i>
твои многие —»—	- <i>т</i>	- <i>т</i>	<i>т</i>
ваш один —»—	- <i>них</i>	- <i>чи</i> *	- <i>чих</i>
ваши два —»—	—	- <i>ки</i>	- <i>дох</i>
ваши многие —»—	- <i>чи</i>	- <i>чи</i> *	- <i>чих</i>
его один —»—	- <i>В</i> **	- <i>В</i>	- <i>В</i>
его два —»—	- <i>ки</i> ; - <i>кин</i>	<i>ли</i>	- <i>х</i>
его многие —»—	- <i>т</i> ; - <i>хи</i>	- <i>чи</i> *	- <i>хис</i>
их один —»—	- <i>В</i>	- <i>В</i>	- <i>В</i>
их два —»—	- <i>ки</i>	- <i>ки</i>	- <i>ких</i>
их многие —»—	- <i>хи</i> ; - <i>нин</i>	- <i>хи</i> *	- <i>хис</i>
свой один —»—	- <i>н</i>	—	- <i>н</i>

* Эти формы взяты из послевоенных записей Г. А. Меновщикова 1963 г., в нашем материале они не встретились.

** Знаком *В* обозначено отпадение финального *х* и удлинение гласного: *улах* «дом» — *ула* «его дом».

ванных из русского языка притяжательных местоимений, ср.: *Эта моя асхинух* «Это моя дочь-моя»: форма слова *асхинух* показывает 1-е л. обладателя, и местоимение, по правилам алеутской грамматики, здесь не употребляется. Таких примеров довольно много; все они касаются избыточного использования русских притяжательных местоимений для подчеркивания принадлежности: *У иго айагā аңагиначхизах* «У него хорошая жена» (сочетание *у иго* избыточно, так как форма *айагā* уже означает «его жена»). Ср. «правильное»: *Уламис иңагам илага агугийит* «Наш дом деревянный» (букв. «дом-наш дерево-отн. из (последлог) сделан»). Еще примеры двойного выражения притяжательности: *Мой пальтух!* «Это мое пальто!»;

³ Атт. — аттуанский, атк. — аткинский, медн. — медновский диалекты.

Атакан чайникаҕ у мина уит «Один чайник у меня есть», но ср.: Иллимиҕ алах аниҕыйу «У меня двое детей».

В целом можно сказать, что медновское имя практически не затронуто русскоязычным влиянием. Все словоизменительные парадигмы имени достаточно близки «материнскому» аттуанскому диалекту; в некоторых случаях заметно влияние соседнего беринговского диалекта.

Глагол. Алеутский глагол имеет категории лица-числа (одноличное и двухличное спряжение), времени и наклонения.

Лицо. Алеутский глагол имел полную парадигму спряжения по трем числам, ср.:

	Ед. число		Дв. число		Мн. число	
	атт.	бер.	атт.	бер.	атт.	бер.
1-е л.	-ҕ	-ҕ	-н	—	-н	-с
2-е л.	-т ^с	-хт	-тиннх	-хтиддх	-тиси	-хтхичх
3-е л.	-х	-х	-х	-х	-н	-с

Медновский глагол полностью потерял исконную систему выражения категории лица и имеет русские глагольные личные окончания:

алу-«смеяться»		танану -«идти»	
алую	алуим	тананую	танануим
алуи	алуити	танануи	танануити
алуит	алу ат	танануит	танануит

Что касается субъектно-объектных форм, то они практически не употребляются (всего один пример в нашем материале, ср.: Хиан улаҕ таткаҕ агуҕа «Этот дом мой отец построил-он-его»).

Время. Алеутская система времен в медновском полностью утрачена. В диалекте осталось фактически три грамматических времени.

1. Настоящее. Не имеет специального показателя: *албит* «нуждается» (ала- корень + -ит 3-е л. ед. ч.), ср. также: *ҕамáйт* «шагает», *ниигнийит* «не пускает», *сулахчийит* «торгует», *амануйит* «уходит», *тананнуит* «плывет, едет».

2. Прошедшее. Имеет показатель -л, ср.: *укухтал* «увидел» (наст. *укухтаит* «видит»), *айхачал* «поехал» (наст. *айхачаит* «едет») и т. п.

Интересно взаимодействие суф. -л с показателями лица или, другими словами, тот способ, который избрал медновский для выражения лица в прошедшем времени: *айхача-л-йа* «я поехал», *айхача-л-ти* «ты поехал», *айхача-л-ø* «он поехал», *айхача-л-и-ми* «мы поехали», *айхача-л-и-ø* «они поехали». Русскую глагольную флексию медновский глагол перераспределяет в соответствии с принципом агглютинативного устройства словоформы: -л — показатель прош. времени, затем -ø- или -и- — показатели ед. или мн. числа, затем -йа, -ти, -ø, -ми, -ви, -ø — показатели лица, которые представляют собой редуцированные и адаптированные фонетически русские личные местоимения. Существенно, что, заимствуя форму показателей из русского языка, медновский оставляет в неприкосновенности агглютинативный принцип строения словоформы (корень + время + + число + лицо).

3. Будущее. Выражается аналитически, при помощи заимствованного из русского вспомогательного глагола -буд- + «русский» инфинитив на -т или -ть: *аҕисат* буду «я останусь», *анаҕат* буду «я ударю», *буоши* *анҕат* «встанешь», *нибуду* *иҕатат* «я не буду спешить», (йа) *буду* (тиба) *ачигат* *халут* «я научу тебя шить», *нибуду* *аманут* «я не успею» и т. п.

Если подлежащее в предложении выражено лексически, вспомогательный глагол может выступать в редуцированной форме *буд*, ср.: *Йа буд* *иго хайат* «Я его попрошу».

Медновская система времен, таким образом, целиком русская.

Наклонение. В явной форме пока удастся выделить только императив. Аттуанский императив выражался показателем -йа, присоединявшимся к основе глагола. Медновский императив имеет показатель -й, ср.: атт. *аткийя!* «перестань!»; *ҕийаҕайа!* «не плачь!»; медн. *ҕаҕачай!* «свари!»; *хакай!* «иди»; *халуй!* «шей!»; *ниигний!* «не пускай!» и т. д.

Возможно, что медн. -й является фонетической редукцией атт. -йа, однако полное сходство с одним из показателей русского императива составляет и здесь предположить русское влияние.

Помимо лица, времени и императива, медновский заимствовал русскую отрицательную частицу, превратив ее в универсальный префикс *ни-*, используемый как средство выражения отрицания. Этот префикс заменил алеутский суффиксальный способ образования отрицательных форм, ср.: *аи́йит* «длинный» — *ниай́йит* «короткий», *и́ни́йтáйт* «пускает» — *нии́н-и́х тáйт* «не пускает», *йáйáйт* «высокий» — *ни́йáйáйт* «низкий» и др. В аналитическом будущем времени префикс отрицания присоединяется к вспомогательному глаголу, ср.: *Йа нибуду изатать* «Я не буду спешить». Появление префикса в суффиксальном языке, каким является алеутский, имеет очень большое значение для грамматической системы языка.

В ряде случаев нами была зафиксирована и старая алеутская отрицательная форма с суф. -*гула-* или -*лака-*, ср.: *кайутáйт* «сильный» — *кайу-гу́зулаç* «слабый»; *иагини́ит* «шевелится» — *йаги́лакаç* «он неподвижный»; видимо, эта форма используется в именах, в часто употребительных словах.

Словообразование.

Язык, который, как медновский, имеет русскую глагольную морфологию в области словоизменения, должен был бы претерпеть аналогичные изменения и в других механизмах: в синтаксисе и в словообразовании. И если о глубоком влиянии русского языка в области синтаксиса можно говорить с полным основанием (см. приведенный в приложении текст), то ожидаемых изменений в области словообразования (замены словообразовательных суффиксов на заимствованные из русского служебные и полуслужебные слова) не происходит. Словообразование оказывается наименее затронутым русским влиянием.

Глагольные словообразовательные показатели.

1. Каузативные и транзитивные суффиксы.

1.1. Самый распространенный в медновском показатель каузатива — суф. -*ча-* — не находит прямых параллелей в беринговском. Ср. примеры: *а́сса́йт* «умирает» — *а́сса-ча́-ит* «убивает»; *а́ңа́йит* «отходит в сторону» — *а́ңа́ну-ча́-ит* «отодвигает»; *и́га́йт* «падает» — *и́га-ча́-ит* «роняет»; *қа́йáйт* «глубокий» — *қа́бийа-ча-ит* «углубляет»; *қа́ңа́йт* «зреет, закипает» — *қа́ңа-ча-ит* «варит, готовит»; *та́ка́йт* «отсутствует» — *та́ка-ча-ит* «стирает, уничтожает»; *ту́ңага́йт* «твердый» — *ту́ңаç-ча-ит* «укрепляет»; *убла́йт* «пробуждается» — *убла-ча-ит* «будит»; *а́ңа́лига́йт* «светлый» — *а́ңа́лига-ча-ит* «светает, наступает рассвет».

Глаголы с каузативным суф. -*ча-* могут употребляться в рефлексивном значении, с обязательным заполнением позиции ближайшего объекта объектным местоимением *тин*. ср.:

<i>қа́на́йт</i> «высокий»	→ <i>қа́ а-ча́-ит</i> «удлиняет»
	→ <i>тин қа́ а-ча́-ит</i> «возвышается»
<i>у́ңу́чи́йт</i> «сидит»	→ <i>у́ңу́чи-ча-ит</i> «сажает»
	→ <i>тин у́ңу́чи-ча-ит</i> «садится» (= «сажает себя»)
<i>ч́а́йт</i> «полный»	→ <i>ч́а-ча́-ит</i> «наполняет»
	→ <i>тин ч́а-ча́-ит</i> «является наполненным»

1.2. Каузативный суф. -(*ç*)*чи-* (ср. атт. -*чи-*, бер. -*чçи-*): *қа́йт* «ест» — *қа́-çчи́-ит* «кормит»; *ңи́ни́йит* «лежит» — *ңи́ни-çчи́-ит* «кладет» и др.

1.3. Каузативный суф. -*йа-* (атт. ?⁴, бер. -*йа-*): *ха́йáйт* «чистый» — *ха́йáйа-йа-ит* «очищает».

⁴ Данные об аттуанском словообразовании весьма ограничены; мы располагаем только той информацией, которую удалось извлечь из опубликованных текстов [3].

1.4. Каузативный суф. *-ни-* (атт. ?, бер. *-ни-*): *ахтиит* «останавливается, перестает» — *ахти-ни-ит* «останавливает».

2. Другие словообразовательные суффиксы.

2.1. Суф. состояния, наступившего в результате действия («результатив»): *-(х)та-* (ср. атт. *-хта-*, бер. *-хта-*): *ақиңаит* «снимает шкуру» — *ақи.хтаит* «снята, находится в снятом состоянии (о шкуре)»; *анқаит* «встает» — *анқа.хтаит* «стоит»; *игаит* «взлетает, летает» — *ига.хтаит* «летит»; *инаит* «кончается» — *ина.хтаит* «кончилось, находится в завершенном состоянии».

2.2. Суф. совместности и адресатности *-са-* (атт. *-са-*, бер. *-са-*) *алуит* «смеется» — *алусаит* «смеется над кем-либо»; *укагаит* «приходит» — *ука-гасаит* «приходит с кем-либо».

2.3. Модальный суф. желания *-ту-* (ср. атт., бер. *-ту-*): *сагаит* «спит» — *сага-ту-кали-ит* «начинает хотеть спать» (в сочетании с суффиксом начинательности — см. ниже).

2.4. Суф. способа действия — «длительность»: *-йухта-* (атт.?, бер. *-йукат-*): *хāгаит* «голодает» — *хāгайухтаит* «голодно живет, голодает в течение долгого времени».

2.5. Суф. оценки: «хорошо, быстро»: *-зу-* (атт. ?, бер. *-зу-/дү-*): *абаит* «работает» — *абазуит* «хорошо, быстро работает».

2.6. Фазовый суф. прекращения действия *-кайа-* (атт. *-һайа-*, бер. *-кайа-*): *кайуғиит* «сильный» — *кайуғи-кайа-л* «устал (= кончилась сила)».

2.7. Фазовый суф. начала действия *-кали-* (атт. *-қали-*, бер. *-қали-*): *сагаит* «спит» — *сагатукалиит* «начинает хотеть спать».

3. Суффиксы отыменных глаголов.

3.1. «Бытийные» глаголы: суф. *-у-* (бер., атт. ?): *атақан* «один» — *атақан-у-ит* «он находится/остается один»; *хакан* «тот верхний» — *хакан-у-ит* «он находится наверху». (Возможно, впрочем, что это не суффикс, а вспомогательный глагол: *атақан уит* «один является», *хакан уит* «верхним является»; ср. *Ихсан театрам ила ули?* «Места в кинотеатре были?». Отсутствие этого суффикса в беринговском говорит в пользу того, чтобы считать его лексическим элементом. С другой стороны, в алеутском известны многочисленные случаи, когда в речи вспомогательные глаголы сливаются с зависимой частью, причем финаль зависимой части и инициаль (корень) вспомогательного глагола выпадают: ср. современную атк. форму *хақалу* «если он не придет» < *хақа-лака-н а-гү* букв. «приходить-отрицание-зависимое лицо корень вспомогательного глагола-условная форма» [6, с. 321].)

3.2. Глаголы обладания: суф. *-ғи-* (атт. ?, бер. *-ғи-*): *сағйин* «ружье» — *сағйи-ғи-ит* «он имеет ружье, он вооружен»; *сусуғ* «гной» — *сусу-ғи-ит* «гноится».

3.3. Суф. со значением «иметь много»: *-ту-* или *-кату-* (атт. *-ту-* бер. *-ту-*, *-кату-*): *чайуит* «мажет жиром» — *чайу-ту-ит* «жирный, намазанный»; *хакағ* «перо, пух, шерсть» — *хака-ту-ит* «лохматый, мохнатый»; *тāңаит* «пьет воду» — *тāңа-кату-ғ* «много пьющий». (В последнем случае образуемые суф. *-кату-* имена могут легко преобразовываться в глаголы — см. ниже.)

4. Характерным для медновского (как и для других диалектов алеутского языка) является наличие свободного перехода от имени к глаголу с применением лишь парадигматических средств, т. е. бессуффиксальное словообразование, или конверсия: *амун* «белье» — *амуит* «одевает(ся)»; *ан'ағиғ* «жизнь» — *ан'ағиғиит* «живет»; *апчуғ* «рассказ» — *апчуит* «рассказывает»; *игатуғ* «трус» — *игатуит* «трусит»; *илағуғ* «помощь» — *илағуит* «помогает»; *имахчиғ* «крик» — *имахчиит* «кричит» и т. д. Как можно видеть из примеров, имена связаны в этих парах с глаголами различными семантическими отношениями, но образование их происходит только средствами парадигмы.

5. Для алеутского языка вообще и для медновского в частности характерно, далее, отсутствие специального класса слов для выражения качества (прилагательных). Качественное определение выражается име-

нем существительным, связанным с определяемым словом отношением притяжательности; качество в предикативной функции выражается глаголом, который легко образуется бессуффиксальным способом от любого из этих существительных: *аңунаҕ* «большой» (существительное), *аңунаит* «большой» (глагол); *улуйаҕ* «красный» (существительное), *улуйаит* «красный» (глагол); ср. в предложении: *Укухтал-йа улам улуйа* «Я увидел красный дом» (букв. «дома-отн. красность-его») и *Ула̄ улуйаит* «Его дом красный»; *Хлам кайутӯ* «сильный мальчик» (букв. «мальчика-отн. сила-его») и *Хлаҕ кайутуйт* «Мальчик сильный» и т. п.

Именные словообразовательные показатели.

1. Уменьшительный суф. *-куча-* (ср. атт., бер. *-куча-*): *айагуҕ* «палка» — *айагукучаҕ* «палочка»; *танаҕ* «земля, остров» — *танайакучаҕ* «островок».

2. Суф. оценки *-чхиза-* «хороший» (бер. *-чхиза-*): *анаҕинаҕ* «человек» — *анаҕиначхизаҕ* «хороший человек».

3. Показатель *-на(х)* «тот, кто действует» или «то, что получается в результате действия» [атт., бер. *-на(х)*]: *аксаит* «продырявилось, образовалась дыра» — *аксагнаҕ* «дыра»; *анҕагийт* «живет» — *анҕагинаҕ* «человек, живущий»; *ачигаит* «учит(ся)» — *ачизнаҕ* «учитель» или «ученик»; *илагуйт* «помогает» — *илагунаҕ* «помощник» и т. д.

4. Показатель *-хча-* «тот, кто делает что-либо» (бер. *-хта-*): *ҕийаит* «плачет» — *ҕийахчаҕ* «плакса».

5. Орудийный суф. *-си(х)* (атт. *-си-*, бер. *-Ṽси-*): *аксийт* «буравит» — *аксисиҕ* «бурав»; *игаит* «падает, летает» — *игасиҕ* «крыло»; *тутанаит* «слышит» — *тутусиҕ* «ухо».

6. Суф. «места действия» *-луҕ(и)-* (атт. ?, бер. *-луҕ-*): *уңучийт* «сидит» — *уңучилуҕиҕ* «сидение, скамья».

Существуют показатели, которые трудно отнести к именным или глагольным, поскольку они, присоединяясь к глагольной основе, образуют производную основу, от которой далее одинаково легко может быть образован как глагол, так и имя. Это, например, показатель *-ҕи-* «результат (переходного) действия» (бер. *-ҕи-* с близким значением): *аксулайт* «приколачивает» — *аксулагийт* или *аксулаҕиҕ* «приколоченный»; *амуйт* «одевает(ся)» — *амугийт* или *амуҕиҕ* «одетый»; *калуйт* «стреляет» — *калуҕийт* или *калуҕиҕ* «раненый»; *нанаит* «болит» — *нанагийт* или *нанаҕиҕ* «ушибленный, болящий»; *чиглийт* «раздевается» — *чиглигийт* или *чиглиҕиҕ* «раздетый».

Показатель *-ҕи-* можно было бы считать показателем причастия, если бы не сомнительность выделения причастия в подобных случаях: в зависимости от функции в предложении все слова с суф. *-ҕи-* могут становиться либо именами, либо глаголами.

Отметим, что сопоставление медновского с другими алеутскими диалектами однозначно свидетельствует в пользу того, что материнским для него служил аттуанский, а не аткинский, ср. следующие параллели: атк. [m] ~ атт. [β] ~ медн. [b] или [p] : атк. [čamluḥ], атт. [čaβluḥ], медн. [čabluh] «пол»; атк. [ḡ] атт. [j] ~ медн. [j] : атк. [aḡaḥ], атт., медн. [ajaḥ] «отец» и др. (ср. о соотношении аткинського с аттуанским в [7, с. 42]).

Это подтверждается и морфологическими свидетельствами, например, наличием в медновском показателя мн. числа существительных *-н* (ср. атт. *-н*, атк. *-с*).

С другой стороны, на медновский диалект оказал сильное влияние соседний беринговский, ср.: атт. *ҕиҕаҕ*, атк. *ҕиҕнаҕ*, медн. *ҕиҕнаҕ* «огонь»; атт. *игйаҕ*, атк. *икйаҕ*, медн. *икйаҕ* «байдарка» и др.

Несмотря на вынужденную фрагментарность описания, приведенные данные убедительно свидетельствуют, что глагольная и именная словообразовательная морфология, в отличие от глагольного словоизменения и синтаксиса, совершенно не подверглась русскому влиянию. Медновский остается в плане словообразования диалектом алеутского языка, сохранил структурные принципы устройства слова, типы и материальный облик суффиксов в сфере залога, каузатива, модальности, способов действия, междуклассного образования, сохранил характерные особенности частеречной системы (конверсию и отсутствие класса прилагательных),

что является важным для типологической характеристики языка. Этот факт, как представляется, должен быть учтен при попытках реконструкции механизма возникновения такого «смешанного» языка, каким является медновский.

Обычное, повсеместно встречающееся следствие активного двуязычия хорошо известно. Это — так называемая «смена кода» (code switching), которая приводит к функциональному разделению двух языков (например, один язык — в быту, второй — в официальной обстановке) — «полная смена кода», или к возникновению смешанного языка — «частичная смена кода». Мы располагаем чрезвычайно интересным для целей данной работы сопоставительным материалом: записями языка, на котором говорят сегодня молодые алеуты на о. Атка (США). Они опубликованы и проанализированы в превосходной работе К. Бергсланда [6].

Современные аткинцы практически двуязычны. В речи молодежи также есть «гибридные» слова, но по сравнению с медновскими они зеркально противоположны, ср. примеры из [6]: *dad-iin* «твой отец» (от англ. *dad* + атк. = *n* 2-е л., притяжательный показатель); ср. также *dad-ing* «мой отец», *school-in* «твоя школа», *school-ing* «моя школа»; *fish-i-za-h* «обычно (или „сейчас“) рыбачит», *fish-ii-na-h* «он ловил/будет ловить рыбу»; *fish-i-lumdi-x* «если они двое ловят рыбу»; *type-ii-tu-za-q* «я люблю печатать на машинке»; *mind-ing make up-i-ha-laka-q* «я еще не решила» (от англ. «*I haven't made up my mind*»); (интересно, что здесь, как и в следующем примере, сочетание «глагол + послелог» функционирует как один корень); *think about-iiguzazaḡulang* «я никогда об этом не думала».

Здесь перед нами обычный результат языковой интерференции: лексические единицы воздействующего языка (язык S, по Вайнрайху) получают грамматические показатели языка, подвергающегося воздействию (языка C) (ср. [9]). Медновские же материалы дают прямо противоположную картину:

современный аткинский: *fishiizah* «ловит рыбу» (английский корень + алеутский суффикс);

медновский: *чалиит* «ловит рыбу» (алеутский корень + русский суффикс).

В случаях, подобных современному аткинскому, исследователи единодушны: перед нами — обычное заимствование корневой морфемы (слова), которая далее адаптируется грамматически и фонетически и начинает функционировать в языке как лексическая единица. В случае же с медновским мы сталкиваемся с «заимствованием грамматических морфем» [2] — явлением, относительно которого среди исследователей уже нет полного единодушия (ср., например, [8]). Бесспорным является тот факт, что русские грамматические показатели каким-то образом проникли в язык медновских алеутов; при этом конкретный механизм этого заимствования подлежит специальному исследованию.

Как можно объяснить эти факты? Если признать, что перед нами явления одного типа, т. е. что медновский, подобно современному аткинскому, представляет собой результат языковой интерференции, то из этого неизбежно следует вывод: язык, подобный медновскому, мог появиться только в среде носителей русского языка, на которых оказывал сильное влияние доминантный атланский диалект — совершенно так же, как в послевоенный период на коллектив алеутоязычных носителей на о. Атка стал оказывать сильное влияние доминантный английский язык. Мы постараемся показать, что для Командорских островов такая ситуация исторически возможна; вслед за Р. Шоденсоном, мы считаем, что для языковеда, занимающегося вопросами взаимодействия языков, первым шагом должно быть детальное изучение истории заселения района в течение периода предполагаемого формирования языка, в том числе и с целью установить промежуток времени, в течение которого сформировался язык (см. [10]).

Согласно предлагаемой гипотезе, путь, пройденный медновским язы-

ком за полтора века и приведший к столь нетривиальному результату, включал четыре этапа ⁵.

Первый этап. В 1826 г. на о. Медный впервые появилось постоянное население. В языковом отношении оно не было однородным: жители с самого начала представляли смесь алеутов, русских и так называемых «креолов» (см. [11], а также материалы К. Т. Хлебникова, который дает цифры населения острова Беринга на 1827 г.: русских 17 чел., алеутов 45 чел., креолов 48 чел. — [16]). Термин «креолы» использовался как официальное название потомков русских промышленников и алеутских женщин. По принятому в Русской Америке положению, дети креолов оставались креолами, как бы не перемешивалась их кровь. Достаточно было родиться креолом, чтобы попасть в особое сословие, свободное от гнета РАК, не знавшее никаких повинностей и податей. Положение креолов резко отличалось от положения местного алеутского населения [11, с. 18]. Практически все они были наемными служащими РАК, получали жалование, квартиру, форменную одежду, продовольствие и пенсию по истечении 10-летней службы [11, с. 20 и сл.]; см. также ссылку на архивы Российско-Американской Компании в [15]. Креолы старались по возможности подходить на русских манерой одеваться и образом жизни, всячески подчеркивали свое отличие от алеутов. Креолы свободно говорили по-русски. Однако существенно, что привилегированное положение креолов держалось только и исключительно на правилах, существовавших в РАК. Русские, жившие вместе с ними на островах, всегда относились к креолам с пренебрежением; с другой стороны, и алеуты не уважали креолов [11, с. 19]. Можно предположить, что в течение 40 лет, когда сохранялось это положение, на Командорах сложилась своеобразная лингвистическая ситуация: креолы были двуязычны с преобладанием русского языка, на котором они старались говорить с русскими, а алеуты — двуязычны с преобладанием алеутского языка, на котором они говорили между собой.

Второй этап. В 1868 г. РАК прекратила свое существование. Командорские острова были приписаны Петропавловскому исправнику; он наезжал редко, острова остались практически без управления. Креолы — наемные рабочие РАК и алеуты — фактические рабы РАК получили вдруг «свободу» и все права инородцев — но одновременно острова оказались открыты для вольной иностранной, в основном американской, торговли [12, с. 20]. Результатом было разорение промыслов, поголовное обнищание островитян; дошло до того, что правительство вынуждено было отпустить субсидию для снабжения продовольствием этих некогда богатых островов [12, с. 20]. Впрочем, положение несколько выровнялось после того, как в 1872 г. острова были сданы в аренду одной из американских компаний.

Возникла ситуация, когда русскоязычная креольская группа, численно уступающая алеутоязычному населению, сравнилась с ним в материальном и социальном положении: креолы утратили все свои привилегии вместе с ликвидацией РАК. В этих условиях русскоязычная креольская группа, видимо, повела себя так, как множество других аналогичных языковых коллективов в подобных обстоятельствах: сконструировала «пиджин» на алеутской основе для общения с доминирующей алеутской группой. Этот пиджин, как и полагается, включал «суперстратные» (в данном случае — алеутские) корни и минимум необходимой «субстратной» (в данном случае — русской) грамматики. Этот пиджинизированный алеутский не был, естественно, родным языком ни для одного из говорящих на нем коллективов: он использовался креолами и алеутами для общения между собой (ср. описание подобных процессов в [13]). (К этому времени, т. е. к 80-м годам относится и единственное пока обнаруженное нами письменное свидетельство того, что алеуты Командорских островов говорят «смешанным языком» [12, с. 9].)

⁵ Приводимые здесь соображения были сформулированы в настоящем виде во многом в результате обсуждений проблемы с сотрудниками Института этнографии АН СССР М. А. Членовым и И. И. Крупником, которым автор искренне благодарен за возможность таких обсуждений.

В качестве варианта можно предложить гипотезу, согласно которой медновское креольское население не создавало свой пиджин, а воспользовалось каким-то пиджином, уже существовавшим на территории Русской Америки; однако до настоящего времени не известны данные, подтверждающие существование такого единого языка.

Третий этап. Ре-экспансия структуры («пиджина» на базе алеутского языка. Основная масса медновцев воспринимает возникший язык как родной и вносит в него элементы алеутской словообразовательной морфологии, синтаксиса и обширную алеутскую лексику. Образовавшийся язык продолжает развиваться за счет обоих участвовавших в его создании языков — алеутского и русского, причем влияние последнего становится все большим и большим (ср. синтаксис и обилие русских заимствований в тексте в приложении).

Четвертый и последний этап — начавшееся в начале 40-х годов XX в. бурное взаимодействие образовавшегося медновского языка с социально доминирующим русским языком — процесс, который идет с разной степенью интенсивности во всех языках народов Севера. Это — заимствование новых слов, в том числе служебных и полуслужебных (типа местоимений), проникновение в язык русских грамматических конструкций типа «быть + N») и т. д. (см. подробнее в [1]). Это уже — этап на пути к отмиранию языка.

Предложенная модель объясняет, как нам кажется, все известные на сегодняшний день факты. В частности, она объясняет, почему медновцы совершенно не осознают родства своего языка с русским (об этом писал и Г. А. Меновщиков, см. [14, с. 133]); почему они отрицают даже очевидное сходство некоторых форм, не воспринимают его как «испорченный русский»: просто потому, что у истоков их языка лежит не Pidgin Russian, а Pidgin Aleut.

[Как любопытное косвенное подтверждение реальности предложенной схемы можно привести такой факт. В 1984 г. во время работы среди эскимосов Чукотки одна из наших информанток (жительница с. Сиреники, 1940 г. р.) рассказала, что ее дочь (1965 г. р.) в детстве путала слова и говорила: *Я это нйваю?* (ср.: *нйвалъыџаџ* «я это перелью»), *Мама, я это џуваю?* (ср.: *џувалъыџаџа* «я это вылью») и под. Девочка с детства слышала дома эскимосскую речь, в яслях и детском саду говорила по-русски. В результате к пяти годам она твердо предпочитала русский язык, а «искаженные» слова вроде приведенных использовала при обращении к матери, которая обычно говорила по-эскимосски, хотя хорошо понимала и русский язык. Перед нами, следовательно, попытка двуязычной, с предпочтением русского, девочки говорить на «мамино» языке, приводящая к появлению слов, образованных по той же модели, что и известные нам медновские.]

Без сомнения, предложенная модель является не более чем гипотезой. Реальный ход исторических событий, приведший к образованию социально-экономической ситуации, в результате которой возник описанный тип двуязычия, еще предстоит выяснить. Идеальным свидетельством такого рода были бы архивные материалы, фиксирующие происхождение с того или иного острова и социальный статус всех алеутских семей, переселенных на о. Медный в 1826 г. и подселавшихся в последующие годы. Без свидетельств такого рода никакая модель — ни предложенная здесь, ни сформулированная Г. А. Меновщиковым в [14, с. 131] — не может считаться окончательной.

Реальное психолингвистическое содержание этого процесса (пиджинизация, креолизация, последствия высокой степени двуязычия и конкретные формы этого двуязычия) также еще предстоит установить. Однако, каким бы ни оказался, так сказать, «физический смысл» предложенного «лингвистического уравнения», бесспорным, на наш взгляд, остается одно: образование языка медновских алеутов могло быть только результатом воздействия аттуанского диалекта на языковой коллектив, для которого русский являлся родным языком (хотя, возможно, и не единственным).

(А): *Тимис айхачали-ми айаңичала танах агачали-ми. Машинамис*
Мы поехали, густой туман, берег потеряли мы. Мотор наш

абагал нас тигийисакалили. Ақут будит. Таңат-та ничу. Салугулақ
сломался нас унесло течением. Что будет? Пить-то нечего. Дождь

иласакалили салугулақ-та ниту. И вусим сутук салагулақ нибыла.
стали ждать, дождя нет. И восемь суток не было дождя. Пока мы

Пука ми мис Сипунах ниңули. Матурақ йағага агачали-ми, иглать
мыс (до мыса) Шипунский не доехали. Мотор мы разобрали, искать

как-та нада та нах. <...> Алах аңалих ми иво абасали сарема. Пука
как-то надо берег. <...> Два дня мы его делали все время. Пока

иво абасали йа атағанул айхасин нага симисизуни чайкин. Қат-та
его делали, я один в шлюпке промышлял чаек. Есть-то нужно все

нада суравно. Сичин или атун аңалин хагали, қат-та нада. <...>
равно. Четыре или пять дней голодали, есть-то надо. <...>

Машинах ағтачали камалака тимис айхачали. Танах нибудии укуть
Машину исправили потихоньку мы поехали. Берег не найдем, этот

указла и Миднах. Ришили тимис айхачат танах иглать. Алах
(имеется в виду о. Беринга.— В. Н.) и Медный. Решили мы ехать берег
искать.

аңалих ағали натрети танах укули. Ми вечером тамағали ниахжатали
Два дня шли, на третий берег нашли. Мы вечером пришли, не знали,

какуй танах эта. Путум хихсали со эта мис Шипон. Якоримис ану-
какой это берег. Потом узнали, что это мыс Шипунский. Наш якорь

сали қийумис дажи нихватила, ничугали. Куда аңалих хақал ми
бросили веревки даже не хватило, не хватило. Когда день насту-

укули алах игиғйух. А таңат-та нада. <...> Йа им ағтал стоби
пил, мы увидели два водопада. А пить-то надо <...> Я им сказал,

таңам қалағи нитаңали тумусту стольку аңалих ми нитаңали.
чтобы воды много не пили, потому что столько дней мы не пили.

(Б): *А то тимас ахсағинить будим.*

А то мы заболеем.

(В): <...> *Ми чайниках инкачали каминакучах анил чайуғалили.*
<...> Мы чайник повесили, печурку затопив, стали чай пить.

Путум городом хайа тимис хуйасали. Тунухтали городах агитал
Потом в город мы поехали. Говорили из города катер вышел. Как

суннах тамага. Как нарушина нас хамагакалили городам хайа салу-
нарочно, когда нас стал буксировать в город, дождь пошел,

ғикайал иганачал алукупсал <...>
сильная зыбь поднялась <...>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асиновский А. С., Вахтин Н. Б., Головки Е. В. Этнолингвистическое описание Командорских алеутов.— ВЯ, 1983, № 6.

⁶ Запись сделана летом 1982 г. в с. Никольское, о. Беринга. Информанты: (А) — Степан Емельянович Сушков, 1913 г. р., (Б) — Сергей Илларионович Сушков, 1922 г. р., (В) — Александр Мойсеевич Аксенов, 1932 г. р. Все трое свободно говорят по-русски, но категорически отрицают какое бы то ни было сходство «своего языка» с русским.

2. Меновицков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка.— ВЯ, 1964, № 5.
3. Bergsland K. Aleut dialects of Atka and Attu.— In: Transactions of the Amer. philos. soc., N. S., 1959, v. 49, p. 3.
4. Jochelson W. Essay on the grammar of the Aleut language. 1930, ms.
5. Bergsland K., Dirks M. Atkan aleut school grammar. Anchorage, 1981.
6. Bergsland K. Postwar vicissitudes of the Aleut language.— In: Eskimo languages. Their present-day conditions. Aarhus, 1979.
7. Bergsland K. Some problems of the Aleut phonology.— In: For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956.
8. Серебренников Б. А. Проблема достаточности оснований в гипотезах, касающихся генетического родства языков.— В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1982, с. 50.
9. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972.
10. Chaudenson R. Towards the reconstruction of the social matrix of Creole language.— In: Pidgin and Creole linguistics, Ed. by Valdman A. Indiana Univ. Press, 1977, p. 261—262.
11. Головин. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862.
12. Беклемешев. О командорских островах и китиковом промысле. СПб., 1884.
13. Hall R., jr. Hands off Pidgin English! Sydney, 1955, p. 26.
14. Меновицков Г. А. О некоторых социальных аспектах эволюции языка.— В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
15. The journals of Iakov Netsvetov: The Atkha years, 1828—1844. Translated, with an introduction and supplementary material by Lydia Black.— In: Materials for the study of Alaska history, N 16. The Limestone Press, 1980, p. XXV—XXVI.
16. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979, с. 161.